

Интервью об А. А. Зализняке

- (1) Максим Анисимович Кронгауз
- (2) Мариэтта Омаровна Чудакова
- (3) Юрий Михайлович Папян
- (4) Александр Чедович Пиперски
- (5) Николай Андреевич Макаров

Что потеряла современная наука с уходом Андрея Зализняка

Рассказывает профессор, доктор филологических наук Максим Кронгауз
Ксения Кнорре-Дмитриева, корреспондент

– Современная наука потеряла своего великого представителя, но еще, что, может быть, не до конца осознано, – ученого, задающего меру научного и, если хотите, человеческого поведения. Заведомо недостижимую, но воплощенную в нем и потому существующую в реальности, и это очень важно для всех остальных. Мне кажется, что в новых условиях существования науки и образования вероятность сохранения этого образца исчезающе мала. Тут хочется процитировать Давида Самойлова, но это столько раз делали, когда умирал кто-то из великих, что воздержусь.

Что можно считать основным из того, что сделал Андрей Анатольевич?

Это, как ни странно, сложный вопрос. Андрей Анатольевич сделал очень много, и выбор основного всегда будет субъективным. Но все же первое, что важно понимать: результатом его работы были не только великие книги, но и курсы лекций, которые он читал в МГУ, и отдельные выступления.

Эти выступления были очень важны как места научных встреч для разных поколений лингвистов (и не только лингвистов), хотя ядром этих встреч всегда были молодые люди, студенты и даже школьники. В последние десятилетия сложилась определенная традиция таких публичных выступлений и мест, где они проходили, своего рода ежегодные циклы.

- Самыми многочисленными были **лекции-отчеты о новгородских экспедициях в МГУ**, это обязательно переполненные аудитории с забитыми проходами и стоящими слушателями, причем не важно, какого размера изначально была аудитория. Летом, в июле Андрей Анатольевич приезжал к нам на Летнюю лингвистическую школу – сначала в Дубну, а потом и в Вороново, и читал специально подготовленную для школьников лекцию. И были еще лекции в школе «Муми-Тролль».
- Если же вернуться к книгам, то я бы выбрал **«Русское именное словоизменение»** и **«Грамматический словарь русского языка»**, вышедшие, соответственно, в 1967 и 1977 годах. Это совершенно строгое и исчерпывающее описание русского словоизменения. Если хотите, это алгоритм построения всех форм русских слов с учетом ударения, превосходящий по строгости все современные работы в области морфологии не только русского, но и других языков. Людям трудновато пользоваться таким словарем, зато в наступившую эпоху компьютеризации он замечательным образом лег в основу разнообразных компьютерных программ (spell checker, поиск и других).

- Далее «**Древненовгородский диалект**», в первый раз появившийся в 1995-м году, который основывался на многолетнем исследовании новгородских берестяных грамот. Описание этого диалекта вплотную подвело нас к пересмотру истории русского языка, поскольку роль древненовгородского диалекта в ней была недооценена.
- Книга «**Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста**» (первое издание в 2004 году) поставила точку в дискуссии о подлинности этого текста, в определенном смысле ключевого для истории русского языка и русской литературы. В ней с необычайным изяществом была показана ничтожная вероятность подделки, а доказательство подлинности основывалось на исключительно лингвистических аргументах. Эта книга, пожалуй, наиболее известна широкому читателю.
- Наконец, поступлю совсем субъективно и отнесу к «основному» **речь Андрея Анатольевича на церемонии вручения ему премии Александра Солженицына в 2007 году**. Ее простота, точность и глубина сделали ее, по существу, манифестом ученого в новой социальной реальности, в условиях новой битвы профессионалов и дилетантов. «Истина существует, и целью науки является ее поиск» – это одновременно и аксиома, непоколебимая в вечности, и спорный постулат, требующий постоянного доказательства в современности.

Можно ли говорить о том, что одной из важнейших задач Зализняка была популяризация идей и открытий современной лингвистики?

Если честно, то не знаю. У меня самого сейчас впечатление, что я занимаюсь очень субъективной реконструкцией жизни Андрея Анатольевича. Мне кажется, делом его жизни была наука, язык, исследование языка и постоянное удивление и восхищение от того, как прекрасен и строг, непредсказуем и в то же время закономерен язык. И была еще потребность делиться этим не только с узким кругом специалистов, а вообще со всеми.

Кроме того, он, конечно, рассказывал в основном о своих открытиях (даже курсы лекций санскрита или арабского он читал, как правило, по своим собственным «улучшенным» грамматикам). Повторю еще раз, он делился своими идеями и открытиями, и это становилось мощнейшей популяризацией современной лингвистики. Но вот было ли это для него какой-то особой да еще и важнейшей задачей? Не думаю.

Чем научная работа Зализняка отличалась от работы его коллег?

Чуда не объяснишь. Но, в частности, секрет в невероятной огромности научного замаха и в простоте и точности достигнутых результатов, которые вместе дают эффект гениальности. Андрей Анатольевич все делал до конца и никогда не останавливался. Над «Грамматическим словарем» он работал около 20 лет, но, когда он вышел, это была исчерпывающая и абсолютная картина русской морфологии. Кому-то на подобный труд не хватило бы всей жизни, кто-то бросил бы на полпути, а Зализняк дошел до конца и отвечал за каждое слово в словаре.

Я знаю много перфекционистов, но почти всем перфекционизм мешает, а Андрею Анатольевичу помогал.

У всех его книг была долгая и счастливая жизнь, они переиздавались, и часто это были переработанные и дополненные издания, то есть даже после

достижения совершенного результата работа продолжалась; прежде всего, конечно, в исследование включался новый материал.

Почему возникало и не уходило ощущение, что академик Зализняк был очень современным ученым?

Мне кажется, что Андрей Анатольевич настолько опередил свое время, что этого запаса хватило бы еще надолго. Я уже сказал, что ценность «Грамматического словаря», очевидная и с самого начала, была осознана заново в компьютерную эпоху, когда появились новые требования к точности и эксплицитности исследования, а у него они были изначально. И выскажу еще одну субъективную мысль. По-моему, ощущение современности некоторых областей возникало именно потому, что ими занимался Андрей Анатольевич. Есть ученые, которые чувствуют модные, современные тенденции в науке и занимаются этими направлениями, а он сам создавал научную моду и научные тренды исключительно тем, что брался за определенную проблему.

Что останется из сделанного им?

Я думаю, что останется все просто в силу качества сделанного, хотя внимания к некоторым областям будет меньше, и тут уж дело чести его последователей и учеников удержать это внимание. А широкой публике запомнится ярчайшая личность, веселый и ироничный, увлекающийся и увлекающий за собой человек, верящий в силу разума и готовый бесстрашно взяться за решение любой задачи, а потом поделиться своим решением.

Представьте себе гениального фокусника, который после каждого фокуса показывает публике, как он устроен, и не боится этого, потому что фокусы никогда не закончатся. Ученый, конечно, не фокусник, но эффект неожиданности от яркого открытия бывает сопоставим.

Кто из современных лингвистов продолжает работать над его темами?

Здесь снова кроется парадокс. Почти все известные российские лингвисты в той или иной мере учились у Андрея Анатольевича, либо непосредственно – были его студентами или ходили на его лекции, либо опосредованно – через статьи и книги. И совершенно неважно, занимаются ли они теми же или близкими темами. Что говорить, мы все (почти все) ученики академика Зализняка в смысле научного стиля. С другой стороны, если говорить об узком круге учеников, то это гораздо более тонкий вопрос. Я в студенческие годы писал у Андрея Анатольевича курсовые и даже диплом, потом недолго был аспирантом, но поменял тему и занялся другим. В мои зрелые годы мы общались на лекциях, у него дома, в частности, на его днях рождения, но я не помню, чтобы Андрей Анатольевич меня чему-то буквально учил. Я задавал много вопросов, особенно в молодости, и некоторые его ответы я запомнил на всю жизнь. Приведу два примера.

Когда я учил иностранные языки и читал книги, я, будучи педантом, за каждым неизвестным словом лез в словарь. Это замедляло процесс чтения и нервировало. Я пожаловался Андрею Анатольевичу, на что он посоветовал не лезть в словарь, столкнувшись с неизвестным словом, а постараться понять смысл из контекста и ждать, когда это слово встретится второй или третий раз. Когда же это случится, и я опознаю его как старого знакомого, когда оно начнет меня раздражать, вот тогда можно справиться в словаре. Я последовал совету, и дело пошло значительно лучше.

В какой-то момент я снова пожаловался ему, сказав, что, по-видимому, не предназначен для научной деятельности. Я могу решать поставленные передо

мной задачи, но совершенно не способен сам придумать, чем заняться. А Андрей Анатольевич ответил, что это не беда, надо немного подождать, научно повзрослеть, и темы сами будут вырастать из обычных занятий. Я последовал и этому совету, и темы пошли одна за другой.

Достаточно ли этого, чтобы считать его своим учителем? Вернее, иначе: решусь ли я назвать себя его учеником? Очень хочется, но, пожалуй, не решусь.

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/12/28/75063-chto-poteryala-sovremennaya-nauka-s-uhodom-andreya-zaliznyaka>

Имя на бересте: профессор Зализняк ушел в вечность

Зализняк мертве. Так написали бы стилем на бересте. Руководствуясь главным правилом новгородской грамоты. Самое главное вперед. Остальное позже [видео последней лекции знаменитого ученого]

Евгения Коробкова, корреспондент

Профессор, лауреат Госпремии, выдающийся лингвист, бросивший вызов невежеству и доказавший, что настоящая наука может быть интереснее любого детектива.

– Я всегда называла его «Светлый гений России», – говорит профессор Мариэтта Чудакова. – В годы нашего студенчества он так возвышался над всеми, что власть дрогнула и отправила его... В Сорбонну. Неслыханное тогда дело...

Лучшее хранилище памяти – Новгородское болото. Канувшее туда обретает бессмертие. Особая бескислородная среда хранит первозданными предметы, одежду, кусочки бересты. Свернутые в трубочку с продавленными буквознаками, они пролежали тысячу лет. И будучи извлеченными на свет, вернули к жизни своих авторов. Благодаря профессору Зализняку, конечно.

В древнем Новгороде у него было много знакомцев. И мальчик-растеряха Онфим, и шустрая Янока, с мужем Селятой, женившие сына. И новгородец Аким, оставивший 37 записок на бересте. (Его записки Зализняк узнавал по почерку). И погубленный у Сычевичей смерд с необычным именем Жизнобуд... И Гостята, которую бросил и выгнал из дома муж... Больше тысячи грамот из Новгорода, Старой Русы, Москвы удалось расшифровать профессору.

Блестящий ученый, он давал разделить радость открытия всем желающим. Тридцать один год подряд Зализняк проводил открытые лекции по итогам раскопок каждого сезона. Свои выступления строил как целый лингводетектив, позволяя присутствующим проникнуться азартом ученого в момент озарения. Раз! И слушателей осеняет, что необычное имя Гостята принадлежит женщине, а не мужчине. (А ведь двадцать лет как лингвисты полагали иначе). Два! и вдруг удастся соединить два кусочка разрезанной грамоты, догадавшись, что остатки слова «Жиз» означают вовсе не «жизнь» (это слово звучало бы как «живот»), а имя «Жизнобуд».

Все, что он говорил – казалось крайне просто. Первое – никого нельзя недооценивать. Второе. Если вы встретили несколько неправильностей в одном месте – будьте уверены, что вы ошиблись... До него исследователи берестяных грамот были уверены: древние авторы безграмотны. И только Зализняк разглядел за хаосом строгую систему орфографии, которую теперь называют бытовой. Подобно тому, как современные авторы путают написание е и ё, новгородский диалект допускал подобное смешение еще нескольких букв.

Помню, как на лекции в Политехе аудитория ломала головы над загадкой бессмысленной берестяной фразы «А замок кельи и двери кельи».

– Где сказуемое? В предложении должно быть сказуемое, – осторожно наводил Андрей Анатольевич.

И вот – что-то щелкает. Вместо «келий» следует читать «целый». Какое счастье испытываешь в этот момент. И над шумящим от восторга залом – радостный голос Зализняка:

– А теперь мы сделали важнейшее открытие! Новгород был тем уголком мира, где не произошла вторая палатализация!

Вряд ли все первооткрыватели точно помнили, что такое палатализация и какие выводы следует делать из этого важного открытия. Но эту радость от обладания чудом уже не забудешь.

Он верил, что открытия могут совершаться разными людьми. Необязательно учеными. В 1963 году даже опубликовал статью «О самодостаточных лингвистических задачах», где приводил примеры задач из разных языков, для решения которых не требовалось специальных знаний.

Но при всей своей толерантности к людям не слишком образованным, Зализняк не терпел дилетантизма. Чуть ли не единственный из всего ученого сообщества бросился на борьбу с лженаукой. Проводил лекции, объяснял, почему «крокодил» вовсе не означает «к ра ходил» и почему новая хронология от Фоменко и других ученых несостоятельна. Братья по цеху предпочитали не заморачиваться. Мол, наносное, как пришло, так и пройдет. Зачем тебе, видному ученому, тратить время, чтобы бороться с какой-то ерундой.

Но он делал это. Наверное, в этом тоже было проявление веры в человека. «А кто будет заполнять вакуум в головах?» – возражал на многочисленные «зачем».

В октябре этого года ученый провел свою 31-ю открытую лекцию, посвященную итогам раскопок.

Такой же стремительный, остро мыслящий, живой... Аудитория встретила его аплодисментами. А Зализняк признался, что этот сезон был удивительным.

То ли в шутку, то ли всерьез, но соратники Зализняка говорили: люди, оставившие след на бересте, ищут способ прорваться к профессору. Тянут руку из Новгородской топи, словно бы прося: меня, меня. Не раз сообщения древних новгородцев удивительно подходили под текущую повестку: то они поздравляли профессора с праздниками, то жаловались. В прошлом году грамота из Зарядья рассказала ученому о страданиях несчастного москвича, трижды обобранного Юрием с матерью.

Иногда из прошлого поступали шутки: Так 26 июля, в день находки первой грамоты и традиционный праздник по этому поводу, экспедиция, рассаживаясь за праздничные столы, обнаружила берестяное послание из Старой Русы «Я послал тебе шесть бочек вина».

По всем статьям выходило, что эта лекция 2017 года не состоится. Раскопки не приносили ничего. И вдруг. В последние дни августа новгородцы словно опомнились. Тринадцать грамот в Новгороде, две в Старой Русе... Причем, целых – небывалый случай для находок, поступающих, по большей части, в виде обрывков.

– Удивительный сезон! – радовался Зализняк.

Еще больше удивился профессор, когда приступил к чтению грамот. Одна из них представляла собой список. Имена. Просто перечисление имен, взглянув на которые, Зализняк улыбнулся. Конечно, он знал их. Все эти люди, как старые друзья, встречались ему и раньше как авторы, как упоминаемые в тысяче расшифрованных грамот.

Новгородское болото, как крепкая память, сохранило их имена.

Вслед за ними в вечность ушёл Андрей Зализняк.

<https://www.kp.ru/daily/26774/3808130/>

«Зализняк – это сам себе университет»

Ушел из жизни великий ученый, открывший языковую вселенную

Со смертью Андрея Зализняка в Ютубе невероятно выросло число просмотров его удивительных лекций, оторваться невозможно. Вот только один пример: благодаря всё новым и новым находкам новгородских берестяных грамот вскрылся доселе неизвестный аспект формирования великорусского языка, на 50% впитавший в себя элементы новгородско-псковского говора. Еще 30 лет назад ученые понять не могли, почему обычное правило чередования согласных «рука – на руке», «нога – на ноге», закрепившееся в украинском и белорусских языках, не нашло отражения в великорусском, где идет уже привычная сегодня форма «нога – на ноге», «рука – на руке»... Зализняк объяснил это.

Андрей Зализняк, безусловно, человек мира. Такой же, как Григорий Перельман. Эти люди своей глубиной и масштабом мышления живут вне каких-то сиюминутных реалий. Поэтому, сколь бы ни был трагичен его уход в возрасте 82 лет, но он давно уже величина постоянная для научного мира. Как Ньютон, Кюри, Ампер. Всей своей биографией – учился в МГУ, в Сорбонне; его кандидатская по весомости была засчитана как докторская; постоянные исследования, экспедиции – он показал, каков путь настоящего и безмерно талантливого ученого, который не только служил верой и правдой точному и тонкому знанию, но и желал это знание популяризировать, доносить до своих многочисленных студентов, которые осаждали его лекции...

Скажешь фразу: «А разве вы не знаете о доказательствах Зализняка подлинности «Слова о полку Игореве»?» – и вспоминаешь его же лекции о берестяных грамотах, где очень многие предложения начинаются с «А...»: «А я послал тебе десять гривен». Зализняк мог увлечь этой живой стихией древнерусского разговорного языка, перенося его в современные реалии, рассказать об отличиях от более строгого церковнославянского, где с «А...» никто фразы не начинал... Посмотрите на его живые глаза в тех или иных роликах – да он в свои 80 с лишним был моложе духом любого тридцатилетнего, весь горел.

– Это сейчас слово «подлый» имеет моральный оттенок, – увлеченно рассказывал лингвист, – а раньше подлый – это «под», просто низкий, и всё.

Суетных слов не хочется. Не тот масштаб. Сейчас грустный момент для ученого мира, но объективно: что он успел, то сделал, а успел очень многое. Увы, пришлось тратить свое время и на опровержение всяких «велесовых книг» и прочей шарлатани, но что делать, это тоже функция ученых – оставлять мир на плаву даже в момент торжества лженаук и конъюнктурного манипулирования историей... Ну что делать, если до всяческой Руси словом «Русь» называлась, по сути, Швеция (норманны), и только потом, постепенно-постепенно Русью стала именоваться часть восточных славян.

Последнее слово об Андрее Зализняке говорит филолог Юрий Папян.

– Гениальность измерить нельзя, – начинает Юрий Михайлович, – но можно измерить его язык, способы подачи информации. И эти способы уникальны. Вот я, например, работаю в Литературном институте, а Литинститут часто занимается идеями, нежели способом выражения идей. А способы – это язык, который лежит в основе всего. Вот Зализняк этим и занимался. Изучать идеи, минуя язык, невозможно. Огромен его вклад в историю языка: он удивительный специалист по берестяным грамотам; своими исследованиями он показывал главное: язык всегда имеет свое прошлое. Не знать этого прошлого – значит не понимать истоков своего развития.

Его знаменитый «Грамматический словарь русского языка» – тоже большое подспорье. Это та основа, которая позволяет понимать: язык един изначально. Он нас объединяет. Да, он меняется. Но все равно он един. И ломать его нельзя. Но язык – столь сложный феномен, что, используя старое, можно создать новое, познать себя. А познать себя – это основная функция человека.

– А какой он лектор блестящий...

– Лекции очень глубокие, несмотря на то что в его речи очень часто были такие компоненты, которые мешали пониманию смысла. Ну, например, эти длинные паузы. Он искал нужное слово. Но мы его прощаем за глубину мысли. Все эти недостатки становятся незаметны, когда ты понимаешь, что он говорит об очень важном. О смыслах. Зализняк – большой ученый, умевший объединять форму и содержание. И никакое искусство без ученого существовать не может. Всем могу рекомендовать сейчас только одно: слушайте его лекции в записи. Это такой важный момент, когда человек сам с собой как бы беседует, можно вспомнить слова Бахтина: даже если говоришь сам с собой, это уже диалог. А диалог – это развитие. Зализняк очень точно находил слова. Почему? Потому что все им написанное и сказанное имеет глубокую, прочную основу.

– Удивительно много он успел сделать.

– Очень много. Но все равно мало. Его вклад в русский язык – это вклад в мировую культуру. Это не только для русских значимо. Его потеря – это потеря для любого лингвиста. Он был очень доступен для общения. Через берестяные грамоты он передает индивидуальное начало языка, некоторые тексты из грамот – это чуть ли не произведения искусства. Зализняк как ученый объединял в себе и мыслителя, и художника слова; он воспитывал человека. Его книги – на века. Это и есть бессмертие.

– Можно назвать его крупнейшим специалистом или это некорректно?

– Конечно, некорректно. Ученый никогда не приходит на свет один. Ученый опирается на предшествующий опыт. Один ученый сам по себе погоды не делает. Но делает тогда, когда находит связи с прошлым и с настоящим.

– Но важно, что он популяризировал материал...

– Есть такой момент. Стремился упростить свои теории, идеи. Донести их до всех. Через это стремление, собственно, преодолевается косность мышления. Чтобы взять мысль Зализняка, надо быть к ней, к этой мысли, готовым. Его служение науке – это пример для многих. Наука развивается тяжело. Долго. Но всегда находятся люди, которые этой тяжести не боятся. Берут и несут дальше. Зализняк – это пример для всех. Его имя требует к себе серьезного отношения. Это событие. Это сам по себе университет, если хотите. Теперь его нет.

Ян Смирницкий

«Он был Конан Дойлем от лингвистики». Александр Пиперски – о методе академика Зализняка, говорящих нейросетях и искусственных языках в кино

Иван Шипнигов

Александр Пиперски, кандидат филологических наук, научный сотрудник и старший преподаватель факультета гуманитарных наук ВШЭ, в минувшем году получил премию «Просветитель» за книгу «Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского». Мы поговорили с Александром о скончавшемся в конце декабря академике Андрее Анатольевиче Зализняке, его вкладе в современную компьютерную лингвистику, а также о Яндексе, Алисе и искусственных языках.

– Расскажи, когда ты впервые увидел Андрея Анатольевича.

– Так получилось, что в самый первый раз – еще в детстве, когда мне было лет семь. Моя мама работает на филфаке МГУ, и она меня водила на какую-то его лекцию – они еще не были такими популярными, как в последние годы. Тогда я, конечно, ничего не слушал и не понял.

Потом, уже подростком, ходил на отчетные лекции по итогам летних новгородских раскопок, они еще умещались в поточке нашего первого гуманитарного корпуса МГУ. В 2005-м поступил на филфак и с 2006-го стал заниматься на семинарах Зализняка по отдельным языкам – арабскому, санскриту.

– Это те самые семинары, где он за несколько занятий объяснял грамматику, синтаксис и говорил: «А дальше вы сами»?

– Методика преподавания у него была такая. В начале занятий Андрей Анатольевич давал нам конспекты грамматик, очень краткие, сжатые «архивы», которые мы должны были «распаковать», – и с ними и со словарями читать тексты, разбирая каждую форму.

– Каким он был преподавателем? Как Андрею Анатольевичу удавалось просто и понятно объяснять очень сложные вещи?

– Я сказал бы, что он был «Конан Дойлем» от лингвистики. Он превращал научную проблему в увлекательный рассказ, выстраивал рассуждения и доказательства как детективный сюжет.

Вот есть слово, значение и происхождение которого неизвестны слушателям; Зализняк постепенно приводил «улики», складывал пазл, и историческая картина выстраивалась полностью на твоих глазах и как бы с твоим участием.

Зализняк не сообщал готовое знание, а помогал прийти до него самостоятельно. В этом, наверное, секрет не только его авторитета в академической среде, но и широкого интереса к нему.

Очень немногие ученые могут интересно и понятно рассказывать о своей работе. Например, о славянском ударении написано множество книг. Я не считаю себя совсем уж неискушенным читателем специальной лингвистической литературы, но большинство этих учебников понять нельзя. А в известной всем филологам «красной» книжке Зализняка «От праславянской акцентуации к русской» все четко, кратко и предельно ясно.

Стройность мышления Зализняка, его способность увидеть порядок в любом кажущемся хаосе проявлялись еще в том, что даже исключения

из правил у него все равно входили в систему – он умел находить дополнительные правила, по которым такие-то слова не подчиняются общим законам.

И закономерно, что именно Андрей Анатольевич изобрел жанр лингвистической задачи.

– **Вспомни какую-нибудь задачу.**

– Например, даны русские слова *тень, кровать, дверь* и другие; нужно определить, какое из них раньше было мужского рода, – а для этого нужно догадаться, что в современном русском остались какие-то «осколки» мужского рода искомого слова. С помощью подсказок Зализняка начинаешь ставить слова в уменьшительные формы – *кроватка, дверка, тенек* – и так находишь правильный ответ. *Тень* сменила род, а *тенек* остался в мужском.

– **Правда ли, что Андрей Анатольевич любил игру «Почему не говорят»?**

– По крайней мере, на лекциях он часто упоминал эту игру и пример из нее, который в каком-то смысле стал хрестоматийным: почему не говорят «Красна чья рожка?»

«В этой игре, как и в шарадах, слово разбивается на части, равные каким-то словам, а затем эти слова заменяются на близкие по смыслу. Вот прелестный пример: почему не говорят „красна чья рожка“? Ответ: потому что говорят ал-кого-лик. Лингвист охотно позабавится игрой ал-кого-лик, а вот любитель легко может поверить, что он открыл таким образом происхождение слова алкоголик. А заглядывать в этимологический словарь (из которого легко узнать, что слово алкоголь пришло из арабского) любитель не сочтет нужным – он больше верит своей интуиции. И вот мы уже слышим от него, например, что первый слог слова разум или конец слова хандра – это имя египетского бога Ра и т. п.»

Андрей Зализняк, «О профессиональной и любительской лингвистике».

– **Объясни мне и другим читателям-неспециалистам, почему классическая работа Зализняка «Грамматический словарь русского языка» стала основой для современных компьютерных программ распознавания человеческой речи.**

– На родном языке мы говорим почти не задумываясь. Наша школьная грамматика – очень упрощенная, с шестью падежами, тремя склонениями – ориентирована на тех, кто и так знает, как образуются формы, и ему нужно только правильно их написать. А письменность, орфография вообще имеют мало отношения к реальному языку.

Но эта школьная грамматика не учитывает много сложностей. Например, я ставлю во множественное число слова, относящиеся ко второму склонению, *дом* и *стол* – и получаю *дома* и *столы*, совсем разные формы.

– **А потом читаешь Пушкина и видишь у него загадочные *домы*.**

– Именно. Но в обыденной речи нам вообще неважно, какое это склонение и почему у Пушкина *домы* – мы же знаем, что сейчас правильно *дома*. А компьютер этого не знает, и для него нужно отдельно описать, как склоняются *дом* и *стол*. И вот такое четкое описание морфологических парадигм дал Зализняк. Он формализовал то, что мы как носители языка понимаем интуитивно, и сделал это задолго до появления программ, которые теперь есть в каждом нашем телефоне и которые работают, во многом основываясь на описаниях Андрея Анатольевича.

– Говоря об этих программах, в первую очередь мы имеем в виду изначально русскоязычный Яндекс. А как Гугл научился искать по-русски?

– Я точно не знаю, как устроен гугловский поиск, но видно, что он уделяет гораздо меньше внимания морфологии, чем Яндекс. Если написать там и там *помятые брюки*, то Гугл на первых страницах выдаст результаты *помятые, мятые брюки*, а Яндекс – *помятым, помятыми брюками* и так далее. То есть Яндекс обращает больше внимания на словоизменение по падежам, числам и другим грамматическим категориям.

– Как работает Алиса?

– Я, не будучи инженером, боюсь соврать, но вообще ничего революционного в ней нет.

В голосовом помощнике – помощнице? – Яндекса объединены решения трех основных задач компьютерной лингвистики: распознать в потоке звуков человеческой речи грамматичный текст; найти ответ на содержащийся в нем вопрос и конвертировать ответ обратно в звучащую речь.

А делается это на основе множества других распространенных запросов, которые уже «знает» программа. Говоря совсем просто, Алиса «читала» много похожего текстов.

– Тебе самому Алиса нравится?

– Она интересна как эксперимент, но мне как пользователю комфортнее «по старинке» набирать руками. Так я полностью контролирую свой запрос, а Алиса все же еще часто ошибается в распознавании.

– Сам Андрей Анатольевич как-нибудь рефлексировал по поводу того, что алгоритмы поиска и морфологического анализа основаны на его работах?

– Я от него такого не слышал. Это может показаться парадоксальным, но его научные интересы вообще были довольно далеки от компьютерной лингвистики. Даже оцифровкой его «Грамматического словаря» занимался другой известный крупный лингвист Сергей Старостин, которого тоже, к сожалению, уже нет в живых.

– В ближайшие годы компьютерная лингвистика может сделать что-то прорывное для улучшения, упрощения взаимодействия между человеком и устройствами? Можно ли будет, например, полноценно надиктовывать большие тексты?

– Уже примерно лет 60 лингвисты говорят: да, конечно, через пять лет все это будет! – время проходит, а ничего «этого», ничего фантастического так и не появляется. Поэтому давай я скажу то же: через пять лет мобильные устройства будут нас понимать очень круто.

А проверять эти прогнозы, как всегда, никто не станет.

Но если говорить серьезно, то перспективным направлением компьютерной лингвистики мне представляются искусственные нейронные сети, которые вплотную подходят к пониманию того, как работает с языком наш мозг, в котором, скорее всего, преобладает статистический, а не чисто логический анализ и поиск нужных форм.

Если нейросети начнут «говорить» похоже на то, как это делаем мы, то нам как пользователям это, конечно, понравится.

Через пять-десять лет – точно!

<...>

<https://knife.media/piperski/>

Вице-президент РАН высоко оценил труды Зализняка

МОСКВА, 24 дек – РИА Новости. Труды академика Андрея Зализняка были образцом высокого служения науке, он внес огромный вклад в изучение языка восточных славян, сообщил РИА Новости вице-президент Российской академии наук, директор Института археологии РАН Николай Макаров.

В воскресенье стало известно о кончине Зализняка на 83-м году жизни.

«Андрей Анатольевич Зализняк – это ученый такого масштаба, что трудно подобрать слова, которые бы сполна отражали масштаб его научных интересов и глубину исследовательского проникновения в них. Это образец высокого служения науке, человек потрясающей остроты ума, под обаянием которого были все, кто его знал. Его выступления собирали полные аудитории. Казалось, что он будет всегда», – сказал Макаров.

По словам Макарова, Зализняку «не было равных по глубине прочтения древних восточнославянских текстов». «Он умел прочитывать те фрагменты, которые не могли прочесть другие исследователи», – отметил собеседник агентства.

«Это удивительный пример лингвиста, который нашел общий язык с историками», – добавил Макаров.

Он особо отметил вклад Зализняка в прочтение берестяных грамот, найденных при археологических раскопках в Великом Новгороде. «Фактически труды Андрея Анатольевича дали новое, более точное прочтение этих грамот», – сказал вице-президент РАН.

<https://ria.ru/science/20171224/1511618336.html>